

1 КАК ПИСАТЬ

Плохой стих очень легко отличить от хорошего. Первый, единственный и самый главный критерий состоит в том, что хороший стих - он хороший, а плохой - несомненно плохой.

Пишутся они соответственно этому главному критерию. Чтобы написать хороший стих, нужно писать хорошо, а чтобы плохой - плохо.

Совсем другое дело с прозой. Ведь чтобы написать хорошую прозу, надо намеренно писать плохо, а чтобы написать плохую прозу - намеренно писать хорошо. Сложнее всего написать среднюю прозу, потому что никто не знает, как она выглядит. Наверное, это что-то вроде мемуаров Бузовой или кулинарной книги.

А ещё, я бы хотел поделиться основными принципами редактирования текста. Во-первых, нужно удалить из черновика все наречия и в тех же местах заменить их другими наречиями. Во-вторых, первое и последнее предложения черновика следует незамедлительно убрать. В-третьих, если не помогают пункты "во-первых" и "во-вторых", надо удалить черновик полностью и написать другой черновик, на другую тему.

Самое главное, при работе с текстом помнить о том, что твоя жизнь не имеет смысла, ты сам абсолютно конченный человек и любят тебя гораздо сильнее, чем ты этого заслуживаешь.

Помни обо всей боли и разочаровании, что ты принес близким и даже неблизким людям.

Помни о надеждах, неоправданных тобой. Тогда точно всё получится, даже не сомневайся.

2 СУДЬБА

— Ну вот, совсем не больно! - сказала медсестра и вручила Лёше красивую справку на голубой этикеточной бумаге. На справке был написан серийный номер ампулы с вакциной, а также информация о том, что он — Лёша — отныне и на ближайшие полгода вакцинирован от Covid-19. Ниже — печать врача и подпись врача.

Лёша выскочил из мобильного пункта вакцинации, придавив ватку пальчиком к месту укола. Прошёл мимо бесформенной очереди, мимо потеющих на ярком солнце продавцов мороженого, мимо автомобилей на парковке перед торговым центром и свернул за угол, на задворки, где пряталась в тени гунявая дворняга и жужжали пузатые мухи над мусорным баком. Не сдерживая больше смех, Лёша засунул руку под футболку и нажал на рычажок возле правой лопатки. Раздался короткий щелчок. Правая «рука» Лёши отстегнулась. Небрежным движением он высвободил настоящую руку из силиконовой. Мгновение, и фальшивая конечность грохнулась на кучу мусора, вспугнув обалдевших мух.

Следующим днём Лёша отчитался на работе. Сказал, что перенёс прививку великолепно.

Начальник похвалил Лёшу и дал тому, на всякий случай, отгул. Вечером Лёша пошёл в

ресторан. Заказал бокал чилийского карменера, говяжий стейк с гарниром из жаренных на гриле овощей и тирамису. Позвонил Наде. Отказалась — нужно с бабушкой сидеть сегодня, позвони лучше в воскресенье, блин я не могу в воскресенье, давай на следующей неделе тогда словимся. Жаль, но делать нечего. Вечер замечательный и без того.

Выпив бокал вина, Лёша попросил ещё один. Принесли горячий стейк медиум велл. Запела Нина Симон с безымянным джазовым квартетом. Девушка за соседним столиком уронила вилку и наклонилась за ней, демонстрируя роскошное декольте. Хороша... Лёша неосознанно облизнулся, отправил в рот ещё один сочный кусок мяса и, довольный собой, а также сегодняшним прекрасным вечером, неслышно отрыгнул.

Домой он вернулся около полуночи.

Включил расслабляющий джаз и принял душ, подпевая линии саксофона. Затем, Лёша заварил дорогой китайский чай, подаренный ему на день рождения. Чай оказался не очень вкусным, но Лёшу это не расстроило. Посмотрев перед сном четыре серии «Силиконовой долины», он разделся, выключил свет и уснул.

А через месяц Лёша умер от ковида.

3 ЯКУБОВИЧ

Ночами Якубович плохо спит. Сон его слаб, прерывист и не всегда удосуживается наступить. В моменты ночного бодрствования, Якубович тихонько выбирается из кровати, оставляя за спиной похрапывающую старушку-жену. Шаркая тапочками о скрипучие половицы, он идёт в свой кабинет. Кабинет Якубовича по совместительству - "Музей Поля Чудес". За 28 лет здесь накопилась бесчисленная груда хлама.

Здесь коллекция матрёшек, разукрашенных тамбовскими ворожеями из юбилейного выпуска 2000-го года; здесь полностью алюминиевая гитара "Урал"; здесь 13 фарфоровых слоников; здесь портрет Ельцина в натуральную величину; здесь чьи-то бежевые брюки; здесь колесо от КамАЗа; здесь отрубленная рука... А что здесь делает отрубленная рука? Не важно.

Якубович подходит к старому серванту, забитому фарфоровой рухлядью, опускается на колени и достает из под него ружье: новенькое, без единой царапины, уже давно заряженное и ждущее применения.

Ритуал одинаков. Дядя Лёня протирает ствол от пыли замшевой тряпочкой и проходит с ружьем к рабочему столу, за которым мягкое кожаное кресло. Усевшись поудобнее, Якубович долго и внимательно смотрит в зеркало. Оно расположено напротив, возле дальней от стола стены. В конце-концов, дядя Лёня словно находит что-то в своих печальных глазах, обесцвеченных возрастом; в своих усах, беспросветной мочалкой повисших над бледными,

твёрдо сомкнутыми губами; в своих глубоких сухих морщинах, ветвящихся по лицу, словно дельта Нила. И в этот момент он вставляет дуло ружья себе в рот. Выпростав из мягкого тапочка одну ступню, дядя Лёня аккуратно прислоняет большой палец ноги к спусковому крючку.

Говорят, в момент приближения смерти, человек за мгновение вспоминает всю свою прожитую жизнь. Все пережитое, отлюбленное, приобретённое и потерянное. Якубович ничего не вспоминает. Он закрывает глаза и видит только крутящийся барабан, под осточертевший телевизионный лаунж. Только барабан этот совершенно пустой и отмечен на нём лишь один сектор - полностью окрашенный в чёрный. И барабан этот тихонько замедляется.

Якубович ощущает лишь одну мысль на подкорке: что в этот раз стрелка точно остановится на чёрном, и внутренний голос игриво шепнёт: "Сектор смерть на барабанае, буква?.." И большой палец ноги, с пожелтевшим щербатым ногтем, плавно надавит на спуск...

4 РИСОВАНИЕ

Карандаш выводил очередную темно-синюю линию. Миша выбрал цвет скорее бессознательно, не придавая этому большого значения. Уже в процессе он вспомнил, что Людмила Спиридоновна часто надевала темно-синий кардиган в холодное время года, изредка меняя его на темно-синий же свитер грубой вязки, с нелепыми желтыми оленями. Работа над рисунком не шибко ускорилась, когда у цвета появилась мотивация. Даром, что ярко-красные волосы Миша никак мотивировать не мог. Людмила Спиридоновна в жизни была абсолютно седой, сухонькой старушкой. Не было мотивации и у вычурных зеленых туфель, как будто выдернутых из американских восьмидесятых.

«Кривовато выходит», - думал Миша. С ним нельзя было не согласиться. Все попытки мамы запихнуть сына в художественную школу в своё время встретили ожесточенное сопротивление, и Миша впервые об этом пожалел. Не получались простейшие вещи, вроде маленького деревца, цветочка, домика. Всё рисовалось пьяно-схематичным, неживым, как пометки гвоздем на стенах тюремной камеры. Миша начисто утратил интерес к рисованию лет с шести. Для него это входило в разряд постыдных детских увлечений, а-ля игра в больничку.

Когда Вова подарил ему комплект цветных карандашей на двенадцатый день рождения, Миша чудом удержался чтобы не выпалить: «Ну и на кой хрен мне этот беспонт? Сам рисуй свою учительницу».

Но не выпалил. Злиться на Вову не выходило. Вова был огромный — два, или три, или четыре метра ростом. Добрый, как теленок. Миша принял подарок с недоумением, но не сдержал улыбку, глядя в светлое губастое лицо Вовы.

Миша в общих чертах знал, откуда берутся дети. Коллективный просмотр порно-журнала за гаражами возле школы развеял таинственность вокруг неказистой человеческой репродукции. Но как из этой маленькой, горластой тётки Тани появился такой мастодонт? Миша не мог понять.

«Не иначе, Танька согрешила с людоедом», - шутила тётка Нона, глядя на Вову.

«Держи. Первую учительницу нарисуешь», - шутил Вова, глядя на Мишу.

Рисовать Людмилу Спиридоновну было пыткой, да и Вова не самый близкий человек, но хотя бы такую мелочь точно заслужил. Линия, росчерк. Пара точек — пуговицы, пара точек — глаза, пара точек — звёзды над зеленой дугой поляны. Хотя бы так.

Забавно, что Вову любили все, как этажного талисмана, да и Вова всех любил, как родных. А вот тётку Таню терпеть не могли за её страшную активность, пронзительный голос подстреленной пустельги, доходящее до безумия занудство и жажду территориальной экспансии — все батареи в умывальнике были забиты её тряпками непонятного назначения.

Миша частенько видел скандалы в формате «тётка Таня vs. кто угодно». Чаще всего оппонентом была тётка Нона, как человек ещё более пробивной и беспардонный, чем тётка Таня. Однажды они даже подрались. Тётка Таня заставила все раковины кадками с рассадой и ушла на несколько часов, как ни в чем не бывало.

«Тань, может еще огурцы здесь ебанём, до кучи? А? Сморгаться, если что, на кухне будем. А чо, и там, и там сантехника. Руки можно в сливном бочке сполоснуть, правда? Зубы в унитазе почистим. Параша у нас экологические, говно своё, родное!».

«Нонка, ну не начинай, - отбивалась тётя Таня, - Я на пару минут оставила! Сама-то на кухне что устроила?! Плиту за тебя кто мыть будет? Иисус Христос?».

«На какие пару минут, дура? Полдня уже ни дыхнуть, ни пёрнуть!»

Слово за слово. Разнимали вдесятером.

А на поминки тётя Нона пришла и даже венок принесла самый красивый — овальная пластиковая хвоя с черно-золотистой широкой лентой поперёк. Тётя Таня расплакалась и крепко обняла ненавистную врагиню. Смерть — она мирит.

Впрочем, замечал Миша и другие странности. С Вовой общались все и любили его тоже все, а говорила про него только его мать. Гости участливо поддакивали, иногда вспоминали коротенькие случаи, но в основном просто уплетали вареную курицу с багровой «Изабеллой» из тетрапака. Мише показалось это несправедливым. Юрий Саньч, например, местный слесарь и пожизненный алкаш, вполне мог рассказать про то, как Вова ему помогал настраивать интернет. Молодая пара — Коля и Юля — могли бы припомнить Вовину помощь с переездом.

Вовин гроб в вертикальном положении доставал до потолка. Вова и сам почти доставал до потолка, а в гробу наконец дотянулся. Миша привык к его гигантским пропорциям, всё-таки часто сталкивались и на лестнице, и на кухне, и в умывальнике, но, заключенный в сосновый ящик, Вова казался легендарным богатырем.

Мише неожиданно вспомнился случай из раннего детства.

Они с отцом пошли в душ. Общажный душ был общий, на четыре открытые кабины. Под вечер в душ выстраивалась длинная очередь, но в тот раз им повезло. Они сразу зашли, разделись, некоторое время ждали, пока вода стечет и превратится из ледяной в чуть тёплую. В душ зашел Вова, как всегда, пригнувшись, чтобы не вмазаться в дверной проём. Маленький Миша ещё не видел таких огромных людей. Вова легко скинул потную футболку, трусики и, улыбаясь, пошел в кабину. Миша увидел длинную смуглую палку между Вовиных ног, затем посмотрел вниз и увидел свои детские причиндалы. На всякий случай, Миша взглянул и на отцовский писюн, который был существенно больше Мишиного, но не шёл не в какое сравнение с Вовиным достоинством. По приходу домой,

маленький распаренный Миша восторженно сообщил маме: «Мам, там у дяди тааакой большой писюн!» Отец тогда поперхнулся пивом и еще полчаса не мог откашляться.

Вспомнив тот эпизод, Миша едва удержал себя от хохота. Он крепко зажал рот ладонями, стал пунцовой помидориной и затрясся в беззвучном смехе, чем вызвал строгие взгляды скорбящих взрослых.

Через час, когда гости выпили «Изабеллу», наелись и почтили память усопшего, приехал траурный ПАЗик. Вошли четыре мужика в грязной одежде, пропахшие землёй и холодом. Миша испугался, что они уронят гроб и не смогут донести его даже до порога, но мужики оказались на удивление двужильными. Гроб спустили по лестнице и внесли в автобус. Гости частично разошлись, частично оделись и поехали с тётёй Таней на кладбище.

Сам Миша остался дома и смотрел в окно, на то, как траурная кавалькада из ПАЗика и чых-то вонючих «жигулей» скрылась за поворотом, увозя Вову навсегда.

Сам того не замечая, Миша выводил на белом листе бессмысленный рисунок. Линия, зигзаг. Две точки — луна и солнце, две точки — жизнь и смерть. Он уже бывал на кладбище, когда хоронили прабабушку. Тогда его удивило, что чем моложе покойник и чем трагичнее его гибель, тем роскошнее у него памятник. Прочерк. Круг. Линия. Две точки — молодость и старость.

Зачем покойному памятник? Тем более такой большой. Взрослые говорили — так надо, так по-христиански. Так душа законно попадает в мир иной, где её грехи и добродетели взвешиваются для дальнейшего распределения. Мишу такое объяснение не устраивало. Он решил для себя, что поминки и памятники нужны не покойнику, а его живым родственникам. Чтобы пережить утрату и смириться с мыслью «Этого человека больше нет, не существует, мы никогда его не увидим». Своеобразная галочка напротив зачеркнутого имени.

Вова сгорел в пожаре. Он работал механиком на старом танкере. Древняя проводка в трюме дала искру и подпалила пожароопасный хлам. Корабль выгорел изнутри за десять минут, а потом, когда пламя добралось до топлива, страшно рванул. Миша подумал, что по всей логике памятник Вове полагается таким же гигантским, как и сам Вова. А то и больше. Всё сошлось для этого. Миша так же подумал, что раз ритуалы нужны не мёртвым, а живым, то и

его рисунок — корявый рисунок первой учительницы — это лишь способ пережить смерть, смириться с мыслью, что Вовы больше нет. Миша заплакал, сам не понимая от чего.

ДОКТОР АНГЕЛИНА

Усатую женщину звали Ангелина. У неё действительно были два ослепительно белых крыла, давно уже прорвавших ткань медицинского халата. Угловатое тело насквозь пропахло йодом. При одном только взгляде на Ангелину рот заполняла горечь хлоргексидина. На звук её голоса члены отзывались мягким, акупунктурным покалыванием. А главное — усы. Пышные, как у почтальона Печкина, огненно рыжие, с проволочными вкраплениями седины. Любой гусар, идя в атаку под Прейсиш-Эйлау, гордился бы такими усами.

- Дела у вас скверные, молодой человек, - говорила Ангелина, перебирая мохнатыми руками дряблые страницы моей истории болезней.

- Неужели всё так плохо?

- Практически безнадежно, - честно отозвалась она.

- Вот это да. Я же просто хотел мед-книжку завести. Мне для работы.

- Хм... В таком случае, вы абсолютно здоровы.

Я просиял слишком явно. В глазах Ангелины появилось выражение брезгливого умиления, как смотрят на милого ребёнка, который накакал. Чтобы сгладить неловкость, я встал с места, обошёл стол и поцеловал Ангелину в губы. Под носом защекотали её воздушные рыжие усы. Захотелось чихнуть. Чтобы избежать чиха, я полез языком. Мы сплелись и провалились под стол.

Выходя из кабинета с болезненно-синей медкнижкой в руках, в коей сами собой проставились вожделенные печати и закрутилась подпись, я подумал о том, как они удивительны — женщины.

